

ДЖЕЙМС ДЭШНЕР

ДЖЕЙМС ДЭШНЕР

БЕГУЩИЙ
В ЛАБИРИНТЕ
ЛЕКАРСТВО ОТ СМЕРТИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-44

Δ94

James Dashner
THE DEATH CURE

Перевод с английского *Н. Абдуллин*

Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Dystel & Goderich Literary Management и Andrew Nurnberg

Дэшнер, Джеймс.

Δ94   Бегущий в лабиринте. Лекарство от смерти /
Джеймс Дэшнер ; [пер. с англ. Н. Абдуллина]. —
Москва : Издательство АСТ, 2015. — 351,[1] с.

ISBN 978-5-17-087566-5

Ужасы Лабиринта и испепеляющей Жаровни больше не грозят глэйдерам. Неужели зловещие испытания подошли к концу? Как бы не так! Выведав планы ПОРОКА, Томас снова вынужден отправиться в путь ради спасения себя и своей команды. Вместе с верными друзьями и союзниками Хорхе, Брендой и Минхο он бежит в Денвер — последний из уцелевших на Земле городов, в надежде отыскать недостающие части головоломки, от разгадки которой зависит выживание всего человечества. Приключения отважных глэйдеров — бегущих ради жизни — продолжаются!

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-44

© James Dashner, 2009

 Школа перевода Баканова, 2012

© Издание на русском языке. AST

Publishers, 2015

*Посвящается моей маме,
самому лучшему человеку на Земле*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сводить с ума начал запах.

Не одиночество, длившееся неделями, не белые стены вокруг, не отсутствие окон и постоянно горящие лампы. Ничто из этого больше не волновало. У Томаса забрали часы и кормили каждый раз одним и тем же блюдом: ломтик ветчины, картофельное пюре, свежая морковь и кусок хлеба. С Томасом не разговаривали, в комнату никто не входил. Ему не оставили ни книг, ни телевизора, ни видеогигр.

Изоляция длилась уже недели три — если, конечно, Томас правильно рассчитал время. Полагаться приходилось исключительно на инстинкт, чтобы верно определять, когда наступает ночь, и высыпаться по-человечески. Томас ориентировался по часам кормежки, хотя ему казалось, что паек приносят нерегулярно. Словно пленника намеренно стараются сбить с ритма.

В комнате с мягкими стенами, полностью лишенной красок, единственным исключением был почти неприметный унитаз из нержавейки (в углу)

да старинный деревянный стол. На кой он Томасу? Непонятно. Сиди один в невыносимой тишине, времени — вагон, размышляй, как развивается у тебя в организме зараза. Вспышка, вирус, постепенно уничтожающий все человеческое.

И ничто из этого не изводило Томаса так, как вонь от собственного немытого тела. Из-за нее нервы звенели перетянутыми струнами, крошились кирпичики здравомыслия. С момента, как Томас очнулся, ему не позволяли мыться, не давали смены белья, вообще ничего для соблюдения гигиены. Хватило бы тряпки — обмакнуть в стакан с водой и обтереть хотя бы лицо. Но у Томаса была только пижама. Даже спальное место не обустроили: он дремал, пристроив зад в углу и спрятав руки под мышки, пытаясь сохранить хоть немного тепла — что удавалось лишь изредка.

Томас и сам не мог понять, отчего его так пугает вонь собственного тела. Возможно, запах — первый признак того, что тело он уже начал терять? Вопреки рассудку разум подкидывал картины — одна ужасней другой — о том, как гниют члены и внутренние органы превращаются в тухлое месиво.

Глупо, и тем не менее Томас боялся. Его досыта кормили, он не испытывал жажды, спал вволю и частенько упражнялся до изнурения, часами бегал на месте. Логика подсказывала, что если он и гниет заживо, то дело вовсе не в вялом сердце и легких, однако он почти убедил себя: в организме поселилась смерть, и вскоре она поглотит его целиком.

И когда эти темные мысли завладевали Томасом, он размышлял: не соврала ли Тереза, сказав, что он внезапно слетел с катушек, взбесился, а значит, поражен Вспышкой? Что, попав в эту страшную комнату, он уже был болен? Бренда и та предупредила о грозящих переменах к худшему. Так, может, они обе правы?

И еще мучил страх за друзей. Что с ними? Где они?

Что с их разумом творит сейчас Вспышка? Неужели после всего пройденного им уготован такой вот бесславный конец?

В сердце закралялся гнев. Как крыса, трясущаяся на холоде, в поисках тепла и крохи хлеба. С каждым днем это чувство крепло и постепенно набрало такую мощь, что Томас порой дрожал от ярости. Лишь усилием воли получалось загнать ее обратно, в глубь себя, успокоиться. Томас не хотел совсем избавляться от гнева, отнюдь — он его пестовал и берег, чтобы в нужный момент, в нужном месте отпустить на волю. ПОРОК — они во всем виноваты, они забрали у Томаса жизнь и друзей. Теперь используют бедных подростков ради якобы благих целей и пллюют на последствия.

Они за все заплатят. Томас клялся в этом себе по тысяче раз на дню.

В свой двадцать шестой — наверное — день, проведенный в плену, ближе к обеду, Томас сидел, привалившись спиной к стене и глядя на дверь, на убогий стол. Он каждый раз принимал

эту позу, позавтракав и поупражнявшись. Глядел и невольно надеялся, что вот сейчас дверь откроется — полностью, а не только щель в ней, через которую просовывают тарелку с едой.

Томас бесчисленное количество раз пытался отпереть дверь и постоянно обыскивал ящики стола. Неизменно пустые, они пахли кедром и плесенью, но Томас раз за разом — по утрам — проверял их. Оставить какой-нибудь сюрприз спящему — вполне в духе ПОРОКА.

Так и сидел Томас, глядя перед собой. Наедине с белыми стенами, тишиной, запахом немытого тела и мыслями о друзьях: Минхо, Ньюте, Фрайпане, прочих глэйдерах, переживших Жаровню. О Бренде и Хорхе, пропавших сразу после спасения на летающем берге. О Гарриет и Соне, об остальных девчонках из Группы «В». Об Эрисе. О том, как Бренда предупредила Томаса, едва он проснулся в белой комнате. Откуда у нее дар телепатии? И за кого эта девушка — за Томаса или же за ПОРОК?

Но чаще всего он вспоминал о Терезе. От мыслей о ней он не мог отделаться никак, пусть даже с каждым проведенным взаперти моментом не-навидел ее все сильнее. Напоследок она успела сказать, что ПОРОК — это хорошо. К добру ли, к худу ли, однако, думая о Терезе, Томас представлял все самое дурное из произошедшего за последнее время. Внутри его закипал гнев.

Если бы не злость, не ярость, он свихнулся бы от бесконечного ожидания.

Он ел, спал, упражнялся, лелеял мечту об отмщении. Так прошло еще три дня в одиночестве.

А на двадцать шестой день дверь открылась.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Томас сотни раз представлял себе этот момент: что сделает, что скажет, как бросится к выходу, свалит первого, кто войдет, и вырвется на свободу. Впрочем, подобными мыслями он скорее тешил себя, ибо ПОРОК не так прост и не даст убежать. Нет, каждый шаг надо продумывать очень тщательно.

Когда же наступил долгожданный день, дверь с легким хлопком воздуха отворилась. Томаса поразила собственная реакция на происходящее: он даже не шевельнулся. Внутренний голос подсказал: между ним и столом сейчас воздвигли невидимый барьер, как тогда, в столовой барака. Время действовать не пришло. Пока не пришло.

Вошедшему Томас удивился самую малость — это был Крысун. Посланник, сообщивший глэйдерам о «последнем» испытании, переходе через Жаровню. Крысун не изменился: все тот же длинный нос, юркие зенки, сальные патлы, зачесанные поперек крупной залысины. Тот же нелепый белый костюм... Только лицо его стало чуть бледнее. На сгибе локтя Крысун нес неизменную

папку, беспорядочно набитую мятymi бумажками, и тащил за собой стул с прямой спинкой.

— Доброе утро, Томас, — сдержанно кивнул он.

Не дожидаясь ответа, запер за собой дверь и сел перед столом. Затем раскрыл папку и принял ся рыться в содержимом, а когда отыскал нужную страницу, сложил поверх нее руки, вылепил на лице жалкое подобие улыбки и вперил в Томаса пристальный взгляд.

— Добрый день станет, когда меня выпустят, — ответил Томас. Он не говорил так долго, что с непривычки голос прозвучал хрипло, надтреснуто.

На лице Крысuna не дрогнул ни единый мускул.

— Да-да, понимаю. Ты не волнуйся, я принес целую кучу хороших вестей. Уж поверь.

Томас на секунду испытал радостный подъем и тут же устыдился собственной невольной реакции. Ничему-то его жизнь не учит.

— Хороших вестей, как же... Забываешь, что не дураков набирали.

Выдержав небольшую паузу, Крысун ответил:

— Не дураков — правда, однако интеллект не единственный критерий, по которому составлялись группы. — Он помолчал, глядя на Томаса. — Думаешь, нам это нравится? Думаешь, нравится мучить вас? Все наши действия подчинены одной-единственной цели, и вскоре эта цель тебе откроется.

Последние слова покрасневший Крысун практически выкрикнул.

— Ну-ну, притормози, — сказал Томас, осмелив на мгновение. — Остынь и расслабься, приятель. Сердце-то не железное.

Какой кайф сказать подобное в лицо этому уроду.

Крысун аж привстал, подавшись вперед. Вены у него на шее взбухли и пульсировали. Потом он присел и сделал несколько глубоких вдохов-выдохов.

— Продержи обычного мальчишку в белом ящике с месяц — и он присмиреет. Но не ты, Томас. Ты еще больше обнаглел.

— И сейчас ты объявишь, что я не шиз? Что у меня нет Вспышки? Нет и не было? — Томас не удержался. Гнев кипел в нем; Томас чуть не лопался и едва мог говорить спокойно. — Только так я не утратил рассудок. В глубине души знал, что вы обманули Терезу, прогнали меня через новый тест. Ну и куда мне дальше? Пошлете на Луну? Или в одних трусах заставите переплыть океан?

Для пущего эффекта Томас улыбнулся.

Крысун все это время следил за ним невыразительным взглядом.

— Ты закончил? — спросил вестник.

— Нет, не закончил. — Томас долго ждал возможности выговориться, однако момент пришел... а в мозгу пустота. Вылетели из головы заготовленные и отрепетированные речи. — Я... хочу знать. Все. Прямо сейчас.

— О, Томас, — тихо произнес Крысун, словно собираясь сообщить печальные известия малень-

кому ребенку. — Мы тебе не лгали. Вспышка есть, и ты носишь ее в себе.

Сквозь накал гнева Томас ощутил, как по сердцу резануло холодным лезвием. Ошеломленный, он не мог понять, врет ли Крысун сейчас. Не желая подавать виду, Томас пожал плечами, как будто страшной новости он ждал давно.

— Ну, крыша у меня пока не едет.

В какой-то момент — пройдя Жаровню, побыв рядом с Брендой и среди шизов — Томас смирился с мыслью о заражении. И при этом не уставал напоминать себе: разум еще цел, безумие не пришло. Пока здравый ум — самое главное.

Крысун тяжело вздохнул.

— Ты не понял. Ты не понимаешь, чего ради я пришел к тебе.

— С какой стати я должен тебе верить? Чего ты ждешь? Я не стану больше сидеть развесив уши.

Томас сам не заметил, как вскочил на ноги. В груди глухо колотилось сердце. Надо взять себя в руки.

Крысун взирал на юношу холодными черными глазами. Какую бы ложь ни заготовил посланик, выслушать его придется. Иначе из белой комнаты не выйти. Томас ждал, стараясь дышать как можно ровнее.

Выдержав короткую паузу, гость в белом заговорил:

— Да, мы лгали вам. Очень часто. Мы поступали несправедливо по отношению к тебе и твоим друзьям, Томас, однако работали в соответ-

ствии с планом, на который ты не просто согласился, а помог нам привести этот механизм в действие. Вынужден признать, мы не рассчитывали зайти так далеко... Впрочем, все идет по схеме Создателей. Ты довел ее до ума, после того как сами Создатели подверглись... Чистке.

Томас медленно покачал головой. Он знал, что неким образом связан с Создателями. Но неужели он сам отправил людей на подобные испытания? Быть этого не может!

— Ты не ответил. Почему я должен тебе верить?

Томас и не думал признаваться, что к нему возвращается память. Сквозь покрытое густым слоем копоти окно в прошлое он частенько видел сполохи, отражения забытой жизни. Он знал, что прежде работал на ПОРОК, и Тереза — тоже, вместе они помогали создавать Лабиринт.

— Нам невыгодно держать тебя в неведении, Томас, — ответил наконец Крысун. — Больше невыгодно.

Внезапно накатила усталость, как будто силы покинули Томаса. Он осел на пол и, тяжело вздохнув, покачал головой.

— Я даже не знаю, о чем ты...

Какой смысл в разговоре, когда не веришь словам собеседника?

Крысун продолжил, и его голос звучал уже не столь отстраненно и холодно — скорее профессионально:

— Я так понимаю, ты в курсе, что по планете бродит зараза. Вирус, пожирающий рассудок. Ис-

пытания, которым мы вас подвергли, придуманы только для того, чтобы проанализировать работу мозга и составить матрицу. Окончательная цель — использовать полученную матрицу для создания лекарства. Смерть, боль и страдания... ты знал, каковы ставки, еще в самом начале. Все мы знали. Главное — спасти человечество, и мы близки к желаемому результату. Очень, очень близки.

Память возвращалась частями. Во время Метаморфозы, в снах обрывки ее мелькали в голове словно сполохи, как удары молнии. И прямо сейчас, пока Томас слушал человека в белом костюме, возникло ощущение, будто он стоит у края пропасти, а внизу, готовые воспарить и открыться во всей полноте, кружат ответы на вопросы. Томас едва мог устоять перед искушением броситься им навстречу.

Нельзя терять бдительность. Томас — часть игры, он помогал проектировать Лабиринт, не позволил программе заглохнуть после гибели изначальных Создателей.

— Я помню достаточно, и мне за себя стыдно, — признал он. — Но пережить этот садизм не то же, что его спланировать. Это совсем другое дело. Это несправедливо.

Крысун почесал кончик носа и поерзал на стуле. Должно быть, что-то сказанное Томасом задело его.

— Вечером посмотрим, как ты запоешь, Томас. Подожди. А пока позволь спросить: ты считаешь, что несколько жизней не оправданная жертва ради спасения всего мира? — Страсть

вернулась в голос Крысuna, и он подался вперед. — Это древняя аксиома, однако веришь ли ты, что цель оправдывает средства? Когда выбора не осталось?

Томас тупо уставился на Крысuna. Подходящего ответа найти он не мог.

Крысун изобразил улыбку, больше похожую на злобную усмешку.

— Напомню: когда-то ты верил. — Он принял ся собирать бумажки, словно намереваясь покинуть белую комнату. С места, впрочем, не встал. — Я пришел сообщить, что приготовления закончены и данные практически полностью собраны. Мы на грани великого открытия. Вот получим матрицу — и все, можешь ныть сколько душе угодно. Хоть обревитесь с дружками, хоть прокляните ПОРОК.

Заткнуть бы его, урезонить... Томас сдержал рвущиеся с языка оскорблений.

— Какую матрицу можно получить, пытая подростков? Вы посыпали нас в ужасные места, многие гибли... Какая тут связь с лекарством от смертельной болезни?

— Самая прямая и непосредственная, — тяжело вздохнув, ответил Крысун. — Скоро ты все вспомнишь, парень, и, чувствуя, о многом пожалеешь. А пока тебе следует кое-что знать, и это кое-что, возможно, тебя отрезвит.

— Что же? — Действительно, что?

Посетитель встал из-за стола, разгладил складки на брюках, оправил пиджак, заложил руки за спину и произнес: